

II. К работе о Вяч. Иванове

1. На сто ладов, сто ладов... Выберем тютчевский. «Сог ardens». Ч. 2. С. 175: «Роза ночей». Сначала усиленное повторение тютчевской темы, усиленное всем, что сто лет научили нас об имени, о своем земном имени. Всеобщая покинутость, мировая ночь. Но вдруг чуть слышный «шепот»: мировая роза. Здесь роза — гарантия того, что есть объемлющие миры.

2. Атлантида в истории — Ч. 2. С. 123: «Атлантида»*

3. Солнце и восход солнца.

4. Wer hat dem Kreuze Rosen zugestellt? ¹⁵

5. На небесах Слово уже на престоле. На земле это вечная надежда — Ч. 2. С. 174: «Взыскующие града».

6. Античность — ревность Кифериных роц о розе — Ч. 2. С. 87: «Ad rosam».

7. Роза соединяет живых и мертвых — Ч. 2. С. 153: «Розалии».

8. Роза существенно является *после* смерти жены. Но уже услада брачной любви понята — Ч. 2. С. 53: «Покорствуя благим определеньям» — как услада роз, а — Ч. 2. С. 57: «И вновь Конь Бледный зрим, и Всадник Бледный...» — грандиозное видение жены, убирающей гриву... розами. Итак, нет сомнения: в личном сознании В. Иванова она насадила розу мира.

декабрь 1925 г.

III. Русская история 1905–1917 гг. в поэзии Блока

1. Осуждение поэзии В. Иванова, на другой лад, можно выразить так: он был поэтом группы, и притом иллюзионной, жившей убеждением, что европеизм (безоговорочный) России есть неоспоримый факт, что Россия имеет историческое право на западноевропейские и мировые поэтические формы. Это был типичный случай «группы

* Angelus 3, 9, 27, 55, 185, 186, 188, 189, 229, 244; 20, 108, 110, 128, 168, 190, 192, 196, 200, 244 (примеч. Л. В. Пумпянского к пунктам 2–4).